

УДК 911.373.4

ПРИГОРОДЫ МАЛОГО ГОРОДА И СЕЛЬСКО-ГОРОДСКАЯ МИГРАЦИЯ. ПРИМЕР РАЙЦЕНТРОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2024 г. К. В. Аверкиева^{1, 2, *}

¹Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, Россия

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

*e-mail: k_averkieva@igras.ru

Поступила в редакцию 21.08.2024 г.

После доработки 29.08.2024 г.

Принята к публикации 12.09.2024 г.

В статье рассматриваются территориальная структура и особенности развития пригородов малых городов, а также окружение районных центров, не имеющих городского статуса. Наблюдаемые явления вписываются в общий процесс концентрации населения вокруг локальных центров, который присущ системам расселения практически всех иерархических уровней. В современных географических исследованиях чаще рассматривается рост крупнейших городских агломераций и развитие их пригородов, однако схожие процессы наблюдаются и на уровне муниципальных районов и округов. Развитие пригородных территорий в данном случае происходит не на фоне роста городов, а на фоне депопуляции как ядер, так и периферийных территорий. Работа опирается на материалы полевых исследований в трех муниципальных районах (ныне — муниципальных округах) Вологодской области, где проходили натурные наблюдения, проводились экспертные и глубинные интервью с представителями районных и сельских администраций, жителями пригородных и периферийных сельских населенных пунктов, а также сбор статистических данных о динамике населения. Полевые исследования дополнены камеральной обработкой статистики численности населения. Полученные результаты говорят о том, что рост населения и развитие индивидуального жилищного строительства происходит в окрестностях районных центров вне зависимости от наличия городского статуса. Субурбанизация в классическом понимании наблюдается редко, поскольку малые города и сельские райцентры чаще всего имеют малоэтажную и индивидуальную застройку, но перемещение горожан из города в пригороды все равно происходит. Переезд сельских жителей в пригороды, а не в сами районные центры, объясняется как более низкой ценой на недвижимость здесь, так и желанием сохранить сельские льготы. Развитие пригородных территорий локальных центров не гомогенно: наиболее привлекательны либо крупные населенные пункты с развитой инфраструктурой, либо населенные пункты с привлекательным природным окружением и высокой транспортной доступностью.

Ключевые слова: пригороды, сельско-городская миграция, малый город, сельская местность, Вологодская область

DOI: 10.31857/S2587556624050086 **EDN:** AOVIOS

ВВЕДЕНИЕ

На фоне продолжающейся по всему миру и незавершенной в России урбанизации отмечается постоянный рост интереса к развитию городов и их окружения. Если на протяжении десятилетий в фокусе исследований чаще оказывались города, то сейчас внимание направлено в том числе и на территории вокруг них. В зарубежной литературе уже встречаются яркие утверждения о том, что сегодня мы живем не в мире городов, а в мире пригородов (Keil, 2017), а одна из пер-

вых тематических конференций в России, посвященных городскому окружению, называлась “Пригородная революция” (Пригородная ..., 2019), что говорит о чрезвычайно широком распространении явления.

Публикация монографии А.С. Бреславского (2024) о субурбанизации и будущем российских городов напомнила всем российским ученым, как мало мы знаем о пригородах даже наиболее крупных и динамично развивающихся городов. Пригороды в российской географической науке

чаще рассматриваются в рамках исследований крупногородских агломераций, в миграционных исследованиях или в контексте дачеведения (Нефедова, Тревиш, 2017) и второго жилья. При этом почти все российские работы (Антонов, Махрова, 2019; Григоричев, 2013; Мкртчян, Гильманов, 2023; и др.) посвящены окружению крупных и крупнейших городов.

Статьи о пригородах в странах с продолжительной историей этого явления (в основном, Западная Европа и США) на протяжении последних 20 лет уделяют больше внимания пост-субурбанизации и пост-субурбиям: пригородам, где наблюдается не только однородная селитебная застройка и постепенно развивается локальная социальная инфраструктура, но и тем, для которых характерны обилие разнообразной застройки и функций и которые слабо отличимы от городов (Bontje, 2004; Phelps and Wu, 2011; и др.). Публикации о развитии пригородов выходят и в странах Азии (Kim H. and Kim S.-N., 2016; Li, 2018) и Африки (Meth et al., 2021), поскольку рост пригородов сопровождается рост городов, а крупные города растут в большинстве стран мира.

Все эти публикации объединяет то, что развитие пригородов рассматривается непременно на фоне роста города-ядра, который либо генерирует поток выезжающего в пригороды среднего класса (субурбанизация в классическом англо-американском понимании), либо притягивает к себе новых жителей, которые не могут позволить себе жилье в городе и оседают в пригородах (тогда развитие пригородов становится сопутствующим урбанизации процессом). Многолетние полевые исследования малых городов и сельских районов в регионах российского Нечерноземья навели автора этой статьи на мысль о том, что развитие пригородов происходит даже на фоне негативной динамики численности населения, и растут не только пригороды крупных городов, но и малых, и даже районных центров без статуса города, тем более что грань между малыми городами и крупными селами весьма условна.

Цель данного исследования — выявить современные процессы развития пригородного окружения малого города, теряющего население. В качестве задач можно назвать следующие: обобщение полевых наблюдений, анализ статистики численности населения, интервью, проведенных с жителями и экспертами, проживающими как в пригороде малого города, так и в городе-ядре, анализ исторической литературы.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

Первопроходцем непосредственно пригородных исследований, не считая более ранних работ о развитии крупногородских агломераций, стал А.С. Бреславский. Он начинал с изучения пригородов Улан-Удэ (Бреславский, 2014), а позже занялся концептуализацией термина “субурбанизация” и обобщением опыта российских ученых на этом поле (Бреславский, 2020).

В своей новейшей монографии А.С. Бреславский (2024) показывает, насколько разнообразны могут быть трактовки терминов “пригород”, “субурбанизация” и “пригородный образ жизни”, при этом почти всегда речь все равно идет о крупных городах. Бреславский отмечает, что размер города, окруженного пригородами, присутствует во многих определениях субурбанизации и развития пригородных зон. Автор несколько смягчает категоричность большинства определений субурбий и пригородов, говоря о том, что они могут формироваться не только вокруг крупнейших (с населением свыше 250 тыс. чел.), но и вокруг средних городов (с населением менее 100 тыс. чел.), но про малые города речь все равно не идет.

Второй важный акцент в монографии сделан на рефлексии о природе роста пригородов. Если субурбанизация и развитие пригородов изначально рассматривались как результат переезда городских жителей за пределы городской черты, то в постсоциалистических странах и, в частности, в России, а также во многих странах Латинской Америки, Азии и Африки причиной роста пригородов может быть и продолжающаяся урбанизация, когда в пригороды стягиваются жители периферийных территорий (“периферийная урбанизация”), так как не имеют возможности поселиться в городе-ядре. Об этом же пишут миграционологи Л.Б. Карачурина и Н.В. Мкртчян (2021): пригороды нередко опережают свои города за счет ускоренной внутренней миграции из периферийных районов и регионов. При этом соотношение субурбанизации и периферийной урбанизации на территории пригородов пока слабо поддается качественному или количественному анализу (Карачурина, 2022), хотя данные говорят в пользу периферийной урбанизации.

Внимание пригородным зонам малых городов достается крайне редко. Даже в работе, посвященной детальному анализу сельской миграции в 2010-х годах (Мкртчян, 2024), средние и малые города отнесены к периферии, поскольку “такие города, на наш взгляд, чаще всего не могут

оказать существенного влияния на миграционный баланс окружающих сельских населенных пунктов, по крайней мере, такого серьезного, как крупные города” (с. 24). Сложно спорить с тем, что малые города зачастую теряют население и характеризуются невысокой миграционной привлекательностью, но для своего окружения они все равно обладают набором сравнительных преимуществ. И в том же исследовании Н.В. Мкртчян показывает, что малые города принимают мигрантов из окружающей сельской местности. А раз есть приток (даже не фоне оттока городского населения вверх по иерархии населенных пунктов — в более крупные города), то возникает вопрос, где он локализован: непосредственно в малом городе (где слабо развит рынок недвижимости и почти не ведется строительство многоквартирного жилья) или же он распространяется и на пригороды тоже?

Еще один вопрос, поднимаемый в статье Н.В. Мкртчян, может быть дискуссионным — это “отсутствие самостоятельной миграционной аттрактивности пригородов” (2024, с. 31). Эту идею начал развивать в своих работах А.С. Бреславский (2014), показывая, что в пригородах крупных городов в большинстве случаев сельские жители оседают вынужденно, не имея ресурсов для приобретения жилья в городе. Думая о малых городах, среда которых несильно отличается от сельской местности [о чем неоднократно писали коллеги-географы, например (Лебедев и др., 2022; Нефедова, 2013)], есть предположение, что они в случае возможности регулярных поездок в город, будут не менее привлекательными для сельских мигрантов с локальной периферии.

Делая попытки применить терминологию развития крупных городов к малым, хочется обратиться к понятию городского спрала, который, в отличие от многоэтажной застройки пригородных территорий, предполагает малоэтажное строительство (Дохов, Сеницын, 2020; Harvey, 1965). Если говорить о пригородах малых городов и об окружении сельских районных центров, которые также обладают многими чертами пригородов, то термин субурбанизация к ним редко бывает применим, а спрол, как однородная малоэтажная застройка, может быть более уместен.

Размышляя о пригородах малых городов, можно предположить, что в силу небольших контрастов между городом и пригородом большее значение будет иметь качество места, о чем писал Л.В. Смирнягин (2012), а не только морфологические характеристики. Опираясь, в том числе, на труды Дж. Коткина

(Kotkin, 2001), Л.В. Смирнягин говорил о том, что по всему миру снижается значение морфологических характеристик, т.е. географического положения, и растет “значимость места как такового”, а в эту значимость можно включать такие понятия, как “историческое наследие, красоты, благоустройство, комфортная среда, гостеприимный социум с низкой преступностью и т. п.” (Смирнягин, 2012, с. 434).

Возможно, в качестве места можно включить наличие чувства места, социального устройства и “значимых мест” (Mazanti, 2007). В более мелком масштабе роль “значимых мест” также бывает видна: дачи и коттеджная застройка в России часто тяготеют к крупным рекам и озерам, даже если нет выхода к берегу (многочисленные дома по Волге и Оке), историческим объектам (дачи с видом на церковь Покрова на Нерли или в окрестностях Суздаля) и иным природным, историческим и культурным аттракторам.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование опиралось на сочетание методов полевых географических исследований, качественной социологии, ретроспективный анализ статистики по населению и анализ пространственной динамики развития малого города-центра и окружающих его сельских пригородов на примере г. Тотьмы Вологодской области, а также нескольких районных центров без городского статуса. В рамках исследования были проведены девять глубинных интервью с жителями пригородов (проживающих давно или переехавших в пригород из города или из периферийных сельских населенных пунктов района) и шесть экспертных интервью с представителями администрации г. Тотьмы и Тотемского муниципального округа, историками и краеведами.

Также на протяжении 2016–2024 гг. проводились натурные наблюдения в трех муниципальных округах: Тарногском, Верховажском и Тотемском, позволившие увидеть застройку и косвенно оценить материальное благосостояние жителей города и пригородных территорий, выявить природные аттракторы и культурные доминанты, уточнить наличие и состояние объектов социальной инфраструктуры. Отдельно проводился сбор и анализ статистических материалов, уточнялись границы пригородов и состав населенных пунктов, которые стоит включить в пригородную зону. История развития населенных пунктов рассматривалась по различным краеведческим источникам с последующим уточнением у экспертов.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Пригороды малых городов и сельских рай- центров привлекли наше внимание в 2016 и 2020 гг. во время экспедиций по периферий- ным сельским районам Вологодской области. Окрестности села Тарногский Городок порази- тельным образом напоминали пригороды реги- ональных центров: бывшие сельскохозяйствен- ные угодья, переведенные в земли поселений и застроенные рядами индивидуальных 1–2-этаж- ных домов, регулярная сетка улиц, обязательное наличие гаража или площадки для автомобиля. В большей степени это напоминало городской спол – малоэтажные пригороды крупных го- родов, но не окрестности периферийного се- ла-райцентра, теряющего население. Интервью с жителями этой сельской субурбии показали, что в основном здесь живут либо те, кто пере- ехал из удаленных от районного центра сельских населенных пунктов, либо жители райцентра, решившие сменить квартиру на собственный дом. Тарногский Городок окружали три крупных застроенных “пятна”, административно отне- сенные к ближайшим деревням: Тимошинской, Демидовской и Николаевской. В 2022 г. все три деревни в измененных с учетом сложившейся и перспективной застройки границах были вклю- чены в черту Тарногского Городка.

Аналогичные процессы, но без включения соседних деревень в черту центрального села,

наблюдаются и вокруг другого районного цен- тра – села Верховажья. Исследования зимней студенческой экспедиции 2020 г. (Аксенова и др., 2020) выявили территориальный рост рай- онного центра за счет появления новых улиц как на окраинах села Верховажье, так и в окружаю- щих его деревнях. Анкетирование населения по- зволило определить современные улицы или це- лые слободы, где концентрируются переселенцы из разных периферийных частей Верховажского района.

Данные по численности населения перепи- сей 1989, 2002, 2010 и 2021 гг. позволяют сопоставить доли проживавших в районном центре, в том числе с учетом наиболее близко распо- ложенных населенных пунктов (табл. 1), и в райо- не. Если в 1989 г. в Тарногском Городке была со- средоточена только треть населения (32%) райо- на, то к 2021 г. этот показатель вырос до 46% еще до включения в городскую черту трех деревень, а с ними составит не менее 50%. Село Верховажье с окружением в 1989 г. концентрировало чет- верть населения района, с учетом близлежащих населенных пунктов – почти 30%, а за 30 лет его доля выросла до 38%, с окружением – до 42%.

Для сельских районных центров притяжение мигрантов с периферии района выглядит почти органичным и фрактальным повторением при- сущих большинству территорий России про- цессов пространственного сжатия населения к отдельным очагам (Нефедова, Тревиш, 2020).

Таблица 1. Динамика численности населения в центрах муниципальных округов и их доля в общей числен- ности населения округов

Муниципальный округ, центр муниципального округа	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.	2021 к 1989 г., %
Тарногский МО, чел.	17402	15363	12838	10632	61
Тарногский Городок и прилегающие сельские населенные пункты, чел.	5570	5365	5368	4927	88
Доля центра в населении округа, %	32	35	42	46	+14 п.п.
Верховажский МО, чел.	18560	16346	13898	12739	69
Верховажье и прилегающие сельские населенные пункты, чел.	5529	5206	5025	5358	97
Доля центра в населении округа, %	30	32	36	42	+12 п.п.
Тотемский МО, чел.	27907	26392	23315	22322	80
Тотьма и прилегающие сельские насе- ленные пункты, чел.	16042	16042	14969	14833	92
Доля центра в населении округа, %	57	57	64	66	+11 п.п.

Составлено автором по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийских переписей насе- ления 2002, 2010 и 2021 гг.

Районные центры еще могут сохранять необходимую для жизни базу социальных услуг (школы и дошкольные учреждения, дополнительное образование, более-менее развитая торговая сеть и иногда даже возможности для досуга), а сеть социальных учреждений в сельской местности стремительно сокращается. При явном перераспределении населения в пределах муниципальных районов рост райцентров не очевиден: численность их населения все равно сокращается, хотя и не так стремительно, как в сельских районах.

В отличие от сельских райцентров доля Тотьмы в численности населения района за 30 постсоветских лет практически не изменилась (остается на уровне 38%), однако если рассматривать ее вместе с окружающими (на местности практически сливающимися с городом) населенными пунктами (см. табл. 1), картина меняется. Если в 1989 г. Тотьма с окрестностями концентрировала свыше половины населения района (55–57%), то к 2021 г. — уже 2/3 жителей. Отчасти это объясняется наличием в пригородной зоне крупного лесопромышленного пос. Советский, численность населения в котором искусственно поддерживалась в годы работы лесопункта и незначительно сократилась после его закрытия за счет переселения жителей из периферийных лесных поселков района. Но детальные данные показывают, что численность населения увеличивается в большинстве пригородных населенных пунктов, особенно в крупных и удобно расположенных по отношению к Тотьме. Если численность жителей Тотьмы с 1989 г. сократилась на 18%, то численность населения в пригородном Пятовском сельском поселении почти не изменилась, а на местности заметна новая застройка во многих населенных пунктах.

В отличие от многих райцентров со статусом сельских населенных пунктов Тотьма почти не включала в городскую черту новые деревни. В 1955 г. впервые в советский период территория города была расширена за счет включения Зеленской и Рыбачьей слобод на берегу р. Сухоны, в 1970-х годах были присоединены территории двух поселков на востоке и две заречные (засухонские) деревни (Осколки ..., 2021), с тех пор территория города практически не менялась, что к настоящему моменту привело к острому дефициту земли. В 2010-х годах под застройку были переданы земли бывшего аэродрома, но и они уже освоены, что во многом предопределяет рост пригородных населенных пунктов, где земля еще есть.

Дефицит земли в городе с негативной динамикой населения — интересный сюжет, требующий пояснения. Об этом уже писали авторы (Гунько и др., 2020; Смирнов, Лебедев, 2023), детально изучающие территориальное развитие малых городов. Как показывают их исследования, для городов Центральной России территориальный рост при депопуляции — не исключение, поскольку ведется строительство малоэтажных индивидуальных домов, требующее значительно больших земельных ресурсов, чем многоквартирное строительство.

В Тотьме по генеральному плану города, утвержденному в 2011 г., еще не застроенные земли выделены под многоквартирные дома (на территории бывшего аэродрома — участки под застройку домами различной этажности, но не ИЖС). Но в малых городах, как правило, застройщиков нет, а многоквартирные дома строятся лишь в случае реализации программы переселения из ветхого и аварийного жилья, ведомственное жилье также не строится. В современных условиях ИЖС — это единственный механизм расширения рынка городской недвижимости. Кроме того, ценность жизни в индивидуальных домах в малом городе обычно выше.

Сокращение численности населения не противоречит спросу на землю и развитию ИЖС: исследования В.А. Ефремовой (2016) показывают, что даже в “сжимающихся” городах (где темпы убыли населения составляют выше 1% в год на протяжении продолжительного периода) жилищная ситуация меняется медленно. Не считая городов, расположенных в экстремальных климатических условиях, депопуляция слабо проявляется в городской среде за счет сохранения домохозяйств при снижении их людности. Аналогичная ситуация наблюдается и в Тотьме: хотя она еще не подошла к порогу признания “сжатия”, но депопуляция продолжается, а дефицит земли под ИЖС усиливается.

Согласно материалам экспертных интервью, из Тотьмы в крупные города выезжают преимущественно жители трудоспособного возраста, но жители старших возрастов остаются, сохраняя домохозяйства. При этом молодые семьи, остающиеся в Тотьме, стремятся жить отдельно от родителей, и предложение освобождающегося в процессе миграционного оттока жилья не успевает за спросом, тем более что Тотьма обладает миграционной привлекательностью на фоне окружающих районов Вологодской области за счет лучшего благоустройства города и развитой на фоне соседей социальной сферы. Также

Рис. 1. Динамика численности населения по населенным пунктам в пригороде Тотьмы, 2002–2021 г.
Составлено автором по данным Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2021 гг.

распространена практика сохранения жилья в Тотьме даже в случае отъезда и утраты пожилых родственников в качестве дачи, сезонного жилья с перспективой вернуться ближе к пенсии.

Помимо того, что территориальный рост Тотьмы практически невозможен в силу истощения свободной земли для ИЖС, рост пригородов объясняется не только наличием участков для строительства, но и институциональными факторами. Для многих жителей важен сельский статус населенных пунктов, поскольку он предполагает более низкие тарифы на коммунальные услуги, а для ряда профессий — наличие различных льгот (например, отсутствие платы за электроэнергию для работников образования и культуры). Это является дополнительным фактором опережающего роста пригородов на фоне города, а также объясняет, почему жители пригородных сельских территорий не стремятся к включению их населенных пунктов в городскую черту.

Если в пригородах крупных городов растут почти все населенные пункты, то динамика населения в пригородах малого города весьма неравномерна, можно наблюдать как присущую большинству населенных пунктов Нечерноземья депопуляцию, так и стремительный рост. Ниже более детально будет рассмотрена динамика развития Пятовского сельского поселения,

прилегающего к Тотьме, а ныне включенного в муниципальный округ: «оно будто обнимает город со всех сторон, и в отдельных местах граница между городской и сельской территорией весьма условна, да и фактически незрима» (Тотемский ..., 2019, с. 67). В качестве границы пригорода в данном исследовании будет взята граница Пятовского сельсовета до укрупнения 2010-х годов, куда входят населенные пункты в радиусе 12 км от г. Тотьмы.

Динамика населения в населенных пунктах вокруг Тотьмы (рис. 1) обусловлена разнообразными факторами, в числе которых и параметризуемые, которые можно считать объективными, и непараметризуемые, которые в большей степени характеризуют качество места. К первым можно отнести размер (людность), который влияет на наличие и нередко качество социальной инфраструктуры и характер застройки (благоустроенные квартиры в многоквартирных домах популярны у новых жителей пригородных населенных пунктов), и расстояние до Тотьмы в сочетании с наличием асфальтированной дороги и, по возможности, с регулярным пригородным автобусным сообщением. Ко вторым — сочетание различных характеристик места, в числе которых могут быть как непосредственно расположение на берегу р. Сухоны, так и локальные аттракторы: живописные долины малых рек,

соседство с примечательными объектами (элементы благоустройства, памятники истории или архитектуры и др.).

Если обратиться к данным табл. 2, видно, что наибольший рост в последние 20 лет отмечается в д. Варницы. Она расположена непосредственно у городской черты: ул. Белоусовская Тотьмы перетекает в Центральную ул. д. Пятовской, а вскоре переходит в Центральную ул. д. Варницы, при перемещении по городу-пригороду эти границы незаметны. Деревня сейчас насчитывает почти 1000 жителей, а по переписи 1959 г. не было и 200 человек. Исторически на территории современной деревни располагалась основная промзона Тотьмы – соляные варницы. По мере угасания северных солеваренных промыслов деревня теряла значение, но на смену солязаводу к началу XX в. пришел курорт, позже – санаторий.

В советский период в Варницах возник колхоз “Тотемский” – крупное хозяйство, благодаря которому в деревне появились многоквартирные благоустроенные дома и социальная инфраструктура (дом культуры с самым большим в районе зрительным залом, детский сад и др.). Сейчас квартиры в колхозных домах нередко покупают переселенцы из периферийных сел района и из-за его пределов, особенно пожилые люди, которым сложно содержать отдельный дом. Для индивидуального строительства Варницы тоже привлекательны – здесь еще есть земля (в

том числе в Варницах выделяются участки для льготных категорий тотмичей, включая многодетные семьи, поскольку в городской черте свободных участков больше нет). Кроме того, многих привлекает живописный ландшафт в долинах рр. Ковды и Солонухи.

Статистика пока не позволяет увидеть последствия современных процессов в Варницах. С 2019 г. началось открытие исторических объектов на территории деревни: расслоподъемных скважин, территории солязавода и почти утраченного Кокоревского сада. К настоящему моменту сформировано несколько туристических маршрутов (Варницы ..., 2024), проходящих по Варницам, которые также используются местными жителями для транзитного прохода и в качестве променада, воссоздан Тотемский солязавод (рабочий макет в уменьшенном масштабе), благоустроен Кокоревский сад. Обилие новых привлекательных объектов (которые также гарантируют поддержание дорожной инфраструктуры), вероятно, будет способствовать сохранению темпов роста Варниц.

Динамичный рост отличает также пос. Текстильщики, возникший в 1930-х годах как поселок при Тотемском льнозаводе. Последняя модернизация завода проходила в середине 1980-х годов, и в поселке были возведены несколько многоквартирных домов. Казалось бы, кроме благоустроенного жилья небольшой

Таблица 2. Динамика численности населения населенных пунктов людностью более 100 чел. в пригородах Тотьмы, чел.

Населенный пункт	1926 г.	1959 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.	2021/2002, %
д. Пятовская	47	45	117	111	88	115	104
д. Варницы	н/д	172	204	791	905	926	117
д. Выдрино	126	108	99	65	70	140	215
д. Галицкая	106	82	146	96	79	116	121
пос. Глубокое	—	—	415	249	186	168	67
д. Задняя	265	137	295	585	438	349	60
пос. Мясокомбината	—	—	192	206	152	173	84
д. Савино	104	85	105	208	144	168	81
пос. Советский	—	1422	1625	1608	1334	1467	91
пос. Текстильщики	—	—	195	670	652	667	100
пос. Усть-Еденьга	—	296	347	231	176	152	66
д. Черняково	278	344	333	374	301	336	90

Составлено автором по материалам Всесоюзных переписей населения 1926, 1959, 1970 и 1989 гг. и Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2021 гг.

промышленный поселок ничем не привлекателен. Тем не менее за постсоветский период численность населения в поселке выросла втрое (с 218 до 667 чел.). В данном случае важное значение имеют как комфортные квартиры на небольшом удалении от города (3 км до границы города, 5 км — до центра), так и берег Сухоны. Сейчас первая линия (ул. Речная) активно застраивается и получила неформальный статус местной “Рублевки”. Как показали экспертные интервью, жить на берегу Сухоны стремятся из-за природной эстетики, тишины, возможности иметь свою лодку.

Зона элитной застройки продолжается ниже по течению р. Сухоны, в пос. Усть-Еденьга. Но он, в отличие от Текстильщиков, сильно сократил свое население в постсоветский период, и лишь в последние годы депопуляция замедлилась. Усть-Еденьга была лесосплавным поселком, и после запрета молевого сплава поселок утратил основную функцию, начал стремительно терять население, подобно другим лесосплавным участкам в устьях малых рек. Однако его падение было не столь стремительным, как пос. Усть-Царева, который входит в пригородную зону, но расположен выше по течению, удален от города на 12 км и не имеет дороги с твердым покрытием. Усть-Царева потеряла почти всех жителей (с 415 чел. в 1989 г. до 23 чел. в 2021 г.), а Усть-Еденьга сохранила почти 40% от численности населения советского периода, у поселка осталось регулярное автобусное сообщение с городом. Одним из аттракторов является также сосновый бор, начинающийся за поселком.

Третий крупный центр пригородного развития — это пос. Советский, наиболее крупный населенный пункт в пригородной зоне Тотьмы, насчитывающий почти 1.5 тыс. жителей. Его тоже можно отнести к растущим пригородам, хотя статистические данные показывают небольшую убыль населения. Но если учитывать функционально-генетический тип поселка (Аверкиева, 2021) и состояние его градообразующей базы (которая, по сути, утрачена — нет ни лесосплава, ни лесовозной узкоколейной железной дороги, ни лесозаготовок), такая динамика населения может объясняться только пригородным положением и новыми агентами развития этой территории. Советский привлекателен для новых жителей (как переезжающих из других населенных пунктов района, так и из-за его пределов, и для тотмичей, планирующих строить отдельный дом) вследствие сочетания факторов. Благодаря своему размеру поселок имеет весь набор

базовой социальной инфраструктуры (школа, детский сад, дом культуры, ФАП, отделение Почты России, магазины) и связан с Тотьмой регулярным автобусным сообщением, автобус в город ходит каждые 20 мин. От леспромхоза поселок получил благоустроенные многоквартирные дома, которые привлекают новых жителей. В то же время на его территории есть привлекательные для ИЖС участки как на первой линии вдоль берега Сухоны (под застройку отдан бывший участок лесосплава), так и у края большого лесного массива.

Остальные населенные пункты пригородной зоны чаще всего отличаются стабильной численностью населения в последние 20 лет, что для сельской местности Нечерноземья нехарактерно. Отсутствие депопуляции свидетельствует о более сложных процессах и замещении выходящего населения новым. Дифференциация динамики населения подчиняется общим географическим закономерностям. Наибольшая убыль населения характерна для наиболее удаленных от Тотьмы населенных пунктов с минимальной транспортной доступностью (Нелюбино и окружающие деревни, Десятина и хутор Дедов, Усть-Царева и др.).

Опираясь на данные экспертных интервью, можно выделить ряд наиболее важных для жителей пригородных территорий черт. При этом ранжировать их трудно, поскольку все респонденты затруднялись выделить главные и второстепенные. В целом, большинство аргументов можно свести к двум группам: качество жизни в широком понимании и выгодные условия. Под качеством жизни подразумевается большой набор условий, в который входят и возможность иметь отдельное жилье большей площади, чем в городе, и наличие приусадебного участка в сочетании с тишиной и отсутствием городской суеты (насколько вообще уместно говорить о шумовом загрязнении и суете в городе с 9-тысячным населением), и эстетика окружающей сельской местности. Выгодные условия заключаются в иных тарифах на электроэнергию и коммунальные услуги, наличии различных льгот.

Нерешенным остается вопрос оценки возрастной структуры переезжающих в пригороды жителей. Не имея полных статистических данных, можно опираться лишь на качественные оценки и косвенные индикаторы. С одной стороны, выделение земли многодетным семьям из города, как и состав респондентов для данного исследования, говорит в пользу трудоспособных жителей и членов их семей. С другой стороны, из

периферийных сел района ближе к районному центру чаще перебираются жители пенсионного и предпенсионного возраста. Поэтому можно предположить, что состав мигрантов в пригороды Тотьмы получается более-менее сбалансированным по возрасту.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Пример развития пригородной зоны Тотьмы как малого города показывает различные стороны этого процесса. Здесь, подобно пригородам крупных городов, сочетаются субурбанизация (выезд жителей Тотьмы в пригород) и периферийная урбанизация (переезд жителей с сельской периферии, но не в райцентр, а в его пригород). При этом природа субурбанизационных процессов зачастую отлична от присущей пригородам крупных городов. Здесь в пригород переезжают не только представители среднего и высшего класса, но любые жители города, планирующие индивидуальное строительство. Это не только и не столько осознанный выбор жизни за городом, особенно с учетом весьма размытой границы между городом и окружающими сельскими территориями, сколько единственная возможность получить землю под ИЖС. Периферийная урбанизация сосредотачивается в пригороде отчасти по тем же причинам, но добавляются еще и институциональные факторы: многим важно сохранить сельские льготы.

Ярким отличием пригородов малого города от пригородов крупных городов является отсутствие многоэтажной многоквартирной застройки, как и отсутствие коттеджных поселков. А также в развитии пригородных территорий практически не участвуют дачные массивы. Дачи в окрестностях малых городов встречаются не всегда, поскольку не всегда есть или были предприятия, выдававшие земельные участки своим сотрудникам. И участки, чаще всего, расположены недалеко от города, имеют очень небольшую площадь (4–6 соток), на них редко появлялись капитальные постройки, тем более, приспособленные к круглогодичному проживанию. В случае Тотьмы они точно не включаются в перспективные зоны пригородного развития. Исключения бывают лишь в случае, когда дачные массивы имеют живописное расположение и хорошую транспортную доступность (например, Калязинские и Кашинские дачи на берегу Волги в Тверской области или дачные массивы на озерах вблизи г. Бологое).

Отсутствие многоэтажной застройки при росте населения и застроенной площади в приго-

родах Тотьмы побуждает охарактеризовать процессы развития этой территории как городской спрол, но это будет неверно, поскольку не формируется выраженных функционально однородных жилых массивов, новая застройка лишь дополняет существующие населенные пункты, не перегружая, а поддерживая локальную социальную инфраструктуру. Тяготение современной застройки к крупным поселкам и деревням с регулярным автобусным сообщением подчеркивает, что нет тотальной автомобилизации. От спрولا современную пригородную застройку Тотьмы отличает также наличие огорода в большинстве домов и осознание ценности пригородного образа жизни ее жителями.

Обобщая материалы глубинных интервью, можно согласиться с предложенной еще в середине XX в. мыслью американского социолога, что жизнь в пригороде имеет преимущества перед жизнью в городе и в деревне, а в определенной мере является квинтэссенцией лучшего, что есть в городе и в деревне (Fava, 1956). Возможно, мы также наблюдаем истинное торжество места над местоположением, что предрекал Л.В. Смирнягин. Жители пригородов ценят природное окружение и преимущества соседства с лесными массивами или выходом к берегу рек, ценят возможность иметь обширные приусадебные участки и дома большей площади, чем в городе, отмечают более дружественную и безопасную среду в пригороде, более тесные соседские связи и социальный контроль в сочетании с доступностью городского рынка труда и социальной инфраструктуры.

Это сказывается на динамике численности населения в пригородных сельских населенных пунктах: растут не просто близко расположенные к городской черте поселения, но и те, которые обладают и инфраструктурой, и, что видится нам важным, природными, историческими, культурными и иными аттракторами (берега рек — Сухоны, Ковды и др., либо исторический ландшафт Тотемского Усолья в Варницах и соседних деревнях). В то же время морфологически удобно расположенные пункты (к примеру, пос. Мясокомбината или пос. Глубокое) проигрывают более удаленным из-за наличия промышленных объектов и непривлекательной среды.

Тем не менее речь не идет о самостоятельном развитии пригородов как самодостаточных населенных пунктов, поскольку ядром экономической активности все равно остается Тотьма. Рынок труда в пригороде чрезвычайно узкий, и даже наличие пригородных учреждений соци-

альной инфраструктуры привлекает или удерживает жителей только в сочетании с близостью и доступностью города (все респонденты подчеркивают важность наличия школ, ФАПов, магазинов, но всегда готовы обращаться за услугами в город).

Отсутствие визуализируемой границы между малым городом и пригородом — очередной аргумент в пользу “конца пригородов” (Short, 2018) либо в пользу движения от сельско-городской дихотомии к сельско-городскому континууму в сочетании с ростом мобильности населения и стремлению к более высокому качеству места (Трейвиш, 2016). В то же время включение почти не отличимых от города пригородов маловероятно из-за сельских льгот, которые чрезвычайно важны для сельских жителей.

ВЫВОДЫ

Проведенное на небольшом числе примеров исследование вряд ли позволяет делать универсальные выводы о развитии и росте пригородов малых городов как таковых. Для малых городов особенно важны различные локальные факторы и их сочетания, свести которые воедино для сотен малых городов не представляется возможным. Но сделать первые попытки обобщения можно.

Пригородный (возможно, вернее будет говорить “прирайцентровый”) рост возможен даже в условиях депопуляции как сельских районов, так и их ядер. Он происходит как за счет перемещения сельских жителей ближе к центру (периферийная урбанизация), так и за счет выезда жителей райцентра.

Малые города и сельские райцентры из-за продолжительной депопуляции не интересны девелоперам, поэтому за 20–30 лет здесь почти не велось строительства многоквартирных домов, а рынок недвижимости развивался в связи с ростом числа домохозяйств при снижении их плотности. Поэтому за многие годы земля под ИЖС в городах стала заканчиваться, особенно если генеральные планы не закладывали новых участков под индивидуальное строительство.

Если райцентры с сельским статусом решают вопрос расширения площади застройки путем включения в черту окружающих деревень и даже перевода сельскохозяйственной земли в категорию земли поселений, то малые города не всегда могут позволить себе такие меры. Одним из факторов привлекательности для жизни пригородных территорий является именно сельский статус населенных пунктов, предполагающий наличие льгот и более низкие коммунальные

тарифы, поэтому жители пригородной сельской местности не стремятся к объединению с городом.

В отличие от пригородов крупных городов окрестности малых растут избирательно, здесь ярко проявляются как географические (морфологические) факторы, в первую очередь, расстояние от ядра, доступность, так и свойства собственно территории, качество места, наличие природных и культурных аттракторов, социальная среда, эстетика окружения.

Найти адекватные текущим процессам термины пока трудно. Развитие пригородов малого города не вписывается в англо-американское понимание субурбанизации, и не является сполом из-за приуроченности застройки к существующим населенным пунктам и выраженно-го сельского образа жизни в новых пригородах. Здесь редко наблюдается сезонная или дачная суб- или дезурбанизация. Это говорит о том, что требуется расширять пригородные исследования и обращать внимание не только на крупнейшие, но и на малые города.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 24-17-00107.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор благодарит директора Тотемского музейного объединения А. Новосёлова и сотрудника администрации Тотемского муниципального округа А. Чернегу за помощь в поиске респондентов, консультации и предоставление статистических и аналитических материалов.

FUNDING

The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 24-17-00107.

ACKNOWLEDGMENTS

The author thanks the director of the Totma Museum Association A. Novosyolov and the specialist of the administration of the Totma municipal district A. Chernega for assistance in finding respondents, consultations and providing statistical and analytical materials.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверкиева К.В. Внутрисельская миграция населения и локальные процессы трансформации сельской местности в лесной зоне староосвоенного Нечер-

- ноземья // Изв. РАН. Сер. геогр. 2021. Т. 85. № 6. С. 828–841.
<https://doi.org/10.31857/S2587556621060066>
- Аксенова Е.А., Аммосов А.А., Веприцкий А.А., Герасимов А.А., Жуковский Е.Д., Козырева М.М., Крутов О.Д., Локтионов К.С., Максименко М.Р., Мартемьянов Д.В., Нуждина Е.А., Прусихин О.Е., Соловьев С.Е., Шмыд П.Я. Современные особенности северного села: сб. Матер. Международ. молодежного научн. форума “Ломоносов-2020”. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 1–2.
- Антонов Е.В., Махрова А.Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения на агломерационном уровне в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2019. № 4. С. 31–45.
- Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 192 с.
- Бреславский А.С. Кто и как изучает пригороды крупных городов в современной России? // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5. № 4. С. 16–34.
<https://doi.org/10.17323/usp54202016-34>
- Бреславский А.С. Субурбанизация и будущее российских городов. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 170 с.
- Варницы. Соль Тотемская: иллюстрированный путеводитель / сост. М.Е. Ворожейкина, А.М. Новоселов. Вологда: Древности Севера, 2024. 87 с.
- Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригородов. Иркутск: Оттиск, 2013. 248 с.
- Гулько М.С., Еременко Ю.А., Батунова Е.Ю. Стратегии планирования в условиях городского сжатия в России: исследование малых и средних городов // Мир России. 2020. Т. 29. № 3. С. 121–141.
<https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-121-141>
- Дохов Р.А., Сеницын Н.А. Сполз в России: рост и структурная трансформация пригородов Белгорода // Изв. РАН. Сер. геогр. 2020. № 2. С. 191–206.
<https://doi.org/10.31857/S2587556620020053>
- Ефремова В.А. Демографические, экономические и жилищные аспекты “сжатия” городов России / Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: сб. науч. ст. Смоленск, 14–16 октября 2016 г. Смоленск: Универсум, 2016. С. 435–443.
- Карачурина Л.Б. Урбанизация или субурбанизация определяет миграцию населения в Московской области? // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Науки о Земле. 2022. № 67 (2). С. 360–381.
<https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.208>
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Внутрирегиональная миграция населения в России: пригороды выигрывают у столиц // Изв. РАН. Сер. геогр. 2021. Т. 85. № 1. С. 24–38.
<https://doi.org/10.31857/S2587556621010076>
- Лебедев П.С., Смирнов И.П., Смирнова А.А., Ткаченко А.А. Социально-географическое пространство малых городов Тверской области // Вестн. Моск. ун-та. Серия 5. География. 2022. № 2. С. 86–100.
- Мкртчян Н.В. Миграция сельского населения в России в 2010-е годы // Демографическое обозрение. 2024. № 11 (2). С. 21–43.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21825>
- Мкртчян Н.В., Гильманов Р.И. Крупные города России и их пригороды как центры притяжения внутренних мигрантов // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Науки о Земле. 2023. № 68 (1). С. 44–63.
<https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.103>
- Нефедова Т.Г. Большой, средний, малый город и село в России // География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 171–191.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С. 12–23.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. 2020. № 2. С. 31–52.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11138>
- Осколки времени: Тотма на фотографиях 1953–1985 годов: краеведческий альбом / отв. ред. и сост. А.М. Новоселов. Вологда: Древности Севера, 2021. 256 с.
- Пригородная революция в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве: сб. тезисов докладов международ. науч. конф. В 2-х ч. (Улан-Удэ, 14–16 ноября 2019 г.) / отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Бурятский науч. центр Сиб. отд. РАН, 2019. 208 с.
<https://doi.org/10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-8-13>
- Смирнов И.П., Лебедев П.С. Факторы пространственного роста малых городов Центральной России // Вестн. Моск. ун-та. Серия 5. География. 2023. Т. 78. № 5. С. 42–51.
<https://doi.org/10.55959/MSU0579-9414.5.78.5.5>
- Смирнягин Л.В. Место вместо местоположения? (О сдвигах в фундаментальных понятиях географии) / Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. М.: Новый хронограф, 2012. С. 421–456.
- Тотемский район: прошлое, настоящее, будущее / под ред. А.В. Кузнецова и А.М. Новоселова. Череповец: “Порт-Апрель”, 2019. 248 с.
- Трейвиш А.И. Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. 2016. № 3 (1). С. 52–70.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v3i1.1763>

- Bontje M.* From suburbia to post-suburbia in the Netherlands: potentials and threats for sustainable regional development // *J. of Housing and the Built Environment*. 2002. Vol. 19 (1). P. 25–47.
<https://doi.org/10.1023/B:JOHO.0000017705.30156.32>
- Fava S.* Suburbanism as a Way of Life // *American Sociological Review*. 1956. Vol. 21. № 1. P. 34–37.
<https://doi.org/10.2307/2089337>
- Harvey R., Clark W.* The nature and economics of urban sprawl // *Land Econ.* 1965. Vol. 41. № 1. P. 1–9.
- Keil R.* Suburban Planet: Making the World Urban from the Outside in. Cambridge: Polity Press, 2017. 256 p.
- Kim H., Kim S-N.* Shaping Suburbia: A Comparison of State-led and Market-led Suburbs in Seoul Metropolis Area. South Korea // *Urban Design Int.* 2016. № 21. P. 131–150.
<https://doi.org/10.1057/udi.2015.19>
- Kotkin J.* The New Geography: How the Digital Revolution Is Reshaping the American Landscape. Random House, 2000. 256 p.
- Li P.* China's New Suburban Reality: an Attempt to Systematically Define the Chinese Suburb // *Metro-politan Governance in Asia and the Pacific Rim* / B. Grant, C.Y. Liu, L. Ye (Eds.). Singapore: Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2018. P. 123–142.
https://doi.org/10.1007/978-981-13-0206-0_7
- Mazanti B.* Choosing residence, community and neighbours – Theorizing families' motives for moving // *Geografiska Annaler, Ser. B: Human Geography*. 2007. Vol. 89. № 1. P. 53–68.
<https://doi.org/10.1111/j.1468-0467.2007.00239.x>
- Meth P., Goodfellow T., Charlton S.* Conceptualizing African Urban Peripheries // *Int. J. of Urban and Regional Res.* 2021. Vol. 45. № 6. P. 985–1007.
<https://doi.org/10.1111/1468-2427.13044>
- Phelps N.A., Wu F.* Post-suburbia in Continental Europe / International perspectives on suburbanization: a post-suburban world? NY: Palgrave Macmillan, 2011. P. 143–162.
https://doi.org/10.1057/9780230308626_8
- Short J.R.* The End of Suburbs // *The Routledge Companion to the Suburbs* / B. Hanlon, T. Vicino (Eds.). London: Routledge, 2018. P. 335–341.
<https://doi.org/10.4324/9781315266442-28>

Suburbs of a Small Town and Rural–Urban Migration. Case Study of Municipal District Centers of Vologda Oblast

K. V. Averkieva^{a, b, *}

^a*HSE University, Faculty of Geography and Geoinformation Technologies, Moscow, Russia*

^b*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

*e-mail: k_averkieva@igras.ru

The article examines the territorial structure and development of suburbs of small towns, as well as the territories around district centers that do not have city status. The observed processes fit into the general process of population concentration around local centers, which is inherent in settlement systems of almost all hierarchical levels. Modern geographical studies often consider the growth of the largest urban agglomerations and the development of their suburbs, but similar processes are also observed at the level of municipal districts. At the same time, the development of suburban areas in this case does not occur against the background of urban growth, but against the background of depopulation of both cores and peripheral territories. The study is based on the materials of field studies in three municipal districts of Vologda oblast, which included in-kind observations, expert and in-depth interviews with representatives of district and rural administrations, residents of both suburban and peripheral rural settlements, as well as the collection of statistical data on population dynamics. Field studies are supplemented by office processing of population statistics. Studies have shown that population growth and the development of individual housing construction occur in the vicinity of settlements with the status of a district center, regardless of the presence of urban status. Suburbanization in the classical sense is rarely observed, since small towns and rural district centers most often have low-rise and individual development, but the movement of city dwellers from the city to the suburbs still occurs. The move of rural residents to the suburbs, and not to district centers, is explained by both the lower price of real estate and the desire to preserve rural benefits. The development of suburban areas of local centers is not homogeneous; the most attractive are either large settlements with developed infrastructure, or settlements with an attractive natural environment and high transport accessibility.

Keywords: suburbs, rural-urban migration, small town, rural area, Vologda oblast

REFERENCES

- Aksenova E.A., Ammosov A.A., Vepritskii A.A., Gerasimov A.A., Zhukovskii E.D., Kozyreva M.M., Krutov O.D., Loktionov K.S., Maksimenko M.R., Martem'yanov D.V., Nuzhdina E.A., Prusikhin O.E., Solov'ev S.E., Shmyd P.Ya. Modern features of the northern village. In *Materialy Mezhdun. molodezhnogo nauch. foruma "Lomonosov-2020"* [Materials of the Int. Youth Sci. Forum "Lomonosov-2020"]. Moscow: MAKSS Press Publ., 2020, pp. 1–2. (In Russ.).
- Antonov E.V., Makhrova A.G. Largest urban agglomerations and forms of settlement pattern at the supra-agglomeration level in Russia. *Reg. Res. Russ.*, 2019, vol. 9, pp. 370–382.
<https://doi.org/10.1134/S2079970519040038>
- Averkieva K.V. Nothing but depopulation? Lateral rural migration in the old-developed forest non-chernozem territories. *Reg. Res. Russ.*, 2021, vol. 11, pp. 613–624.
<https://doi.org/10.1134/S2079970521040201>
- Bontje M. From suburbia to post-suburbia in the Netherlands: potentials and threats for sustainable regional development. *J. Hous. Built Environ.*, 2002, vol. 19, no. 1, pp. 25–47.
<https://doi.org/10.1023/B:JOHO.0000017705.30156.32>
- Breslavsky A.S. *Nezaplanirovannyye prigorody: sel'sko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovet'skii period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and Growth in Ulan-Ude in the Post-Soviet Period]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTS RAN, 2014. 192 p.
- Breslavsky A.S. Who studies the suburbs of big cities in contemporary Russia and how? *Gorod. Issled. Praktiki*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 16–34. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17323/usp54202016-34>
- Breslavsky A.S. *Suburbanizatsiya i budushchee rossiiskikh gorodov* [Suburbanization and the Future of Russian Cities]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2024. 170 p.
- Dokhov R.A., Sinitsyn N.A. Sprawl in Russia: Growth and structural transformation of the Belgorod suburbs. *Reg. Res. Russ.*, 2020, vol. 10, pp. 247–259.
<https://doi.org/10.1134/S2079970520020057>
- Efremova V.A. Demographic, economic and housing aspects of the “shrinkage” of Russian cities. In *Sotsial'naya i ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, priktika. Sb. nauch. statei* [Social and Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice. Collection of Sci. Articles]. Smolensk: Universum Publ., 2016, pp. 435–443. (In Russ.).
- Fava S. Suburbanism as a way of life. *Am. Sociol. Rev.*, 1956, vol. 21, no. 1, pp. 34–37.
<https://doi.org/10.2307/2089337>
- Grigoriev K.V. *V teni bol'shogo goroda: sotsial'noe prostanstvo prigorodov* [In the Shadow of the Big City: The Social Space of the Suburbs]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2013. 248 p.
- Gunko M., Eremenko Yu., Batunova E. Planning strategies in the context of urban shrinkage in Russia: Evidence from small and medium-sized cities. *Mir Rossii*, 2020, vol. 29, no. 3, pp. 121–141. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-121-141>
- Harvey R., Clark W. The nature and economics of urban sprawl. *Land Econ.*, 1965, vol. 41, no. 1, pp. 1–9.
- Karachurina L.B. Urbanization or suburbanization determines population migration in the Moscow region. *Vestn. S.-Petersb. Univ. Ser. Nauki Zemle*, 2022, vol. 67, no. 2, pp. 360–381. (In Russ.).
<https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.208>
- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. Intraregional population migration in Russia: Suburbs outperform capitals. *Reg. Res. Russ.*, 2021, vol. 11, pp. 48–60.
<https://doi.org/10.1134/S2079970521010068>
- Keil R. *Suburban Planet: Making the World Urban from the Outside in*. Cambridge: Polity Press, 2017. 256 p.
- Kim H., Kim S.-N. Shaping Suburbia: A Comparison of State-led and Market-led Suburbs in Seoul Metropolitan Area. South Korea. *Urban Des. Int.*, 2016, no. 21, pp. 31–150.
<https://doi.org/10.1057/udi.2015.19>
- Kotkin J. *The New Geography: How the Digital Revolution Is Reshaping the American Landscape*. New York: Random House, 2000.
- Lebedev P.S., Smirnov I.P., Smirnova A.A., Tkachenko A.A. Socio-geographical space of small towns in the Tver region. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2022, no. 2, pp. 86–100. (In Russ.).
- Li P. China's new suburban reality: An attempt to systematically define the Chinese suburb. In *Metropolitan Governance in Asia and the Pacific Rim*. Grant B., Liu C.Y., Ye L., Eds. Singapore: Springer Nature, 2018, pp. 123–142.
https://doi.org/10.1007/978-981-13-0206-0_7
- Mazanti B. Choosing residence, community and neighbours – Theorizing families' motives for moving. *Geogr. Ann. B: Hum. Geogr.*, 2007, vol. 89, no. 1, pp. 53–68.
<https://doi.org/10.1111/j.1468-0467.2007.00239.x>
- Meth P., Goodfellow T., Charlton S. Conceptualizing African urban peripheries. *Int. J. Urban Reg. Res.*, 2021, vol. 45, no. 6, pp. 985–1007.
<https://doi.org/10.1111/1468-2427.13044>
- Mkrtchyan N.V. Migration of the rural population in Russia in the 2010s. *Demogr. Obozr.*, 2014, vol. 11, no. 2, pp. 21–43. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21825>
- Mkrtchyan N.V., Gilmanov R.I. Large Russian cities and their suburbs as centers of attraction for internal migrants. *Vestn. S.-Petersb. Univ. Ser. Nauki Zemle*, 2023, vol. 68, no. 1, pp. 44–63. (In Russ.).
<https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.103>
- Nefedova T.G. Big, medium, small city and village in Russia. In *Geografiya, gradostroitel'stvo, arkhitektura: sintez nauk i praktik* [Geography, Urban Development, Architecture: Synthesis of Sciences and Practices]. Smolensk: Oikumena Publ., 2013, pp. 171–191. (In Russ.).

- Nefedova T.G., Treivish A.I. Restructuring of settlement patterns in modern Russia: urbanization or deurbanization? *Reg. Issled.*, 2017, no. 2, pp. 12–23. (In Russ.).
- Nefedova T.G., Treivish A.I. Polarization and shrinkage of active space in the core of Russia: trends, problems and possible solutions. *Demogr. Obozr.*, 2020, vol. 7, no. 2, pp. 31–53. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11138>
- Oskolki vremeni: Tot'ma na fotografiyakh 1953–1985 godov* [Fragments of Time: Tot'ma on Photographs 1953–1985 Years]. Novoselov A.M., Ed. Vologda: Drevnosti Severa Publ., 2021. 256 p.
- Phelps N.A., Wu F. Post-suburbia in Continental Europe. In *International perspectives on suburbanization: a post-suburban world?* New York: Palgrave Macmillan, 2011, pp. 143–162.
https://doi.org/10.1057/9780230308626_8
- Prigorodnaya revolyutsiya v regional'nom srezhe: periferiinye gorodskie territorii v post-sovetskom prostranstve. Sb. tezisov dokladov mezhdun. Nauch. Konf. V 2-kh chastyakh* [Suburban Revolution in the Regional Context: Peripheral Urban Territories. in the Post-Soviet Space. Collection of Abstracts of Reports of the Int. Sci. Conf. In 2 Parts]. Breslavsky A.S., Ed. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 2019. 208 p.
- Short J.R. The End of Suburbs. In *The Routledge Companion to the Suburbs*. Hanlon B., Vicino T., Eds. London: Routledge, 2018, pp. 335–341.
<https://doi.org/10.4324/9781315266442-28>
- Smirnov I.P., Lebedev P.S. Factors of the spatial growth of small cities in Central Russia. *Vesnt. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2023, no. 5, pp. 42–51. (In Russ.).
<https://doi.org/10.55959/MSU0579-9414.5.78.5.5>
- Smirnyagin L.V. Place instead of location? (On shifts in fundamental concepts of geography). In *Geograficheskoe polozhenie i territorial'nye struktury: pamyati I.M. Maergoiza* [Geographical Position and Territorial Structures: In Memory of I.M. Maergoiz]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2012, pp. 421–456. (In Russ.).
- Totemskii rayon: proshloe, nastoyashchee i budushchee* [Totemsky District: Past, Present, Future]. Novoselov A.M., Kuznetsov A.M., Eds. Cherepovets: Port-Aprel' Publ., 2019. 248 p.
- Treivish A.I. The rural-urban continuum: the destiny of the notion and its link to the spatial mobility of the population. *Demogr. Obozr.*, 2016, vol. 3, no. 1, pp. 52–70. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17323/demreview.v3i1.1763>
- Varnitsy. Sol' Totemskaya: illyustrirovannyi putevoditel'* [Varnitsy. The Salt of Tot'ma: An Illustrated Guide]. Vorozheikina M.E., Novoselov A.M., Eds. Vologda: Drevnosti Severa Publ., 2024. 87 p.